

**«ЧЕЛОВЕК ДРУГОГО МАСШТАБА» НА СТРАНИЦАХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. ФРАНКА: ОБРАЗ РУФИ В РОМАНЕ «УЧЕНИКИ
ИИСУСА» (1947) И В ПЬЕСЕ «РУФЬ» (1958)
«THE MAN OF ANOTHER SCALE» ON THE PAGES OF FRANK'S
WORKS: THE IMAGE OF RUFİ IN THE NOVEL «THE DISCIPLES OF
JESUS» (1947) AND THE PLAY «RUF» (1958)**

Аннотация: Цель данной статьи – проследить изменения в образе главной героини романа Л. Франка «Ученики Иисуса» и пьесы «Руфь», выявить ответы автора на вопросы, заданные человечеству войной.

Ключевые слова: Леонгард Франк; «Ученики Иисуса»; «Руфь»; проблема вины; «драма возвещения»; экспрессионизм.

Abstract: The purpose of this article is to trace the changes in the image of the main heroine of L. Frank's novel «The Disciples of Jesus» and the play «Ruth», to reveal the author's answers to questions posed to humanity by the war.

Keywords: Leonhard Frank; «The Disciples of Jesus»; «Ruth»; the problem of guilt; «the drama of proclamation»; expressionism.

Известный гуманист и пацифист Леонгард Франк (1882–1961), прославившийся своим антивоенным сборником рассказов «Человек добр» (1917), вышедшим ещё в конце Первой мировой войны, сохранил экспрессионистский пыл молодости и после Второй мировой с ещё большей силой продолжил клеймить нацистский режим и начинающее зарождаться неофашистское движение. Одним из «обвинительных актов» Л. Франка фашистской машине смерти стал созданный им после войны роман «Ученики Иисуса» (1947).

С образом Руфи в романе связаны все наиболее важные вопросы, поставленные автором, главный из которых – должна ли быть наказана жертва нацистов за «то, что отказались сделать блюстители закона» [5, с. 486]. Появление в городе Руфи словно даёт импульс для авторских размышлений о вине, совести, свободе и правовом государстве, к которому так стремится послевоенная Германия.

Ключевой эпитет при характеристике образа Руфи – «мёртвая». В ней «всё умерло» [5, с. 362] пять с половиной лет назад, когда на её глазах убили родителей, а саму с другими евреями угнали в лагерь. Подчёркивая омертвление души героини, Л. Франк называет 21-летнюю девушку «ходячим мертвецом» [5, с. 364]. Эффект усиливается благодаря аллюзии на мифологический сюжет, когда перевозчик отправляет «мёртвую девушку» на другой берег Майна – реки, воплощающей в романе бесконечность времени [5, с. 341].

Различные оценки прошлого героини предваряют её возвращение домой, словно предвосхищая трудности, с которыми столкнётся Руфь и её близкие. Жалость к судьбе бедной девушки и чувство вины за случившееся с ней выражает известный скрипичный мастер – господин Зиме, негативная оценка звучит из уст старого рантье Филиппи: «Еврейская шлюха!» [5, с. 369]. Профессор Габерлейн с присущей историку объективностью стремится видеть и плюсы, и минусы в произошедших событиях, а потому избегает однозначной оценки возвращения Руфи в родной город. Важно, что собственную точку зрения автор доверил именно скрипичному мастеру как человеку культуры, так или иначе связанному с музыкой, которая всегда у Л. Франка ассоциировалась с прогрессом. Недаром его героиня в пьесе «Руфь» появится на сцене под музыку Бетховена, усиливая смысловой контраст между заслугами Германии в области культуры и тем, что стало с её гражданами несколько столетий спустя. Л. Франк полон негодования: как родина Баха и Бетховена могла стать виновницей миллионов смертей [4, с. 293].

Принципиальное отличие романа от пьесы – не столько в переносе смысловых акцентов, придании динамичности действию и избавлении его от излишних для пьесы сюжетных линий, сколько в трактовке образа главной героини. В романе Л. Франк дарует надежду на воскрешение души Руфи. Перед читателем действительно человек «другого масштаба» [5, с. 503], по-настоящему сильный, который смог преодолеть свою духовную смерть. В финале Руфь близка к нравственному перерождению, и надежды читателей на то, что ей удастся избавиться от мучительных переживаний прошлого, которые она выплескивает в своих реалистических рисунках, и наконец воссоединиться с любящим её Мартином, оправдываются. Оптимистический тон финала, построенного по контрасту с началом, где многократно акцентируется внимание читателей на «мертвенности» героини, связан и с детскими образами. Дети в романах Л. Франка – всегда воплощение лучшего будущего. Так, у Руфи есть младший брат Давид, который со своими друзьями навещает её, всё-таки вынужденную уехать с Мартином из Вюрцбурга, кроме того, Руфь какое-то время растит дочь умершей подруги.

В пьесе же, написанной десятилетие спустя, Л. Франк словно отвечает на собственный вопрос, заданный в финале романа: «Что же будет через десять лет в Германии и во всём мире?» [5, с. 526] (похожий вопрос уже звучал из уст французских героев ещё накануне войны – в пьесе-предупреждении «Мужской квартет» [3, с. 221]). Ключевой сценой, подготовленной всем предыдущим ходом повествования, и в романе, и в пьесе становится сцена суда над Руфью, застрелившей убийцу своих родителей. Но если в 1947 героиня Л. Франка безоговорочно оправдана, то в 1958 голоса присяжных делятся поровну, а надежда на воскрешение души героини тает как дым: после оправдательного приговора Руфь принимает яд и умирает в зале суда. Возмездие оказалось превыше всего. Месть, ради которой Руфь проделала путь из Варшавы в Вюрцбург, стала самоцелью. Однако вместе с этим тают и надежды на воскрешение самой Германии: «вытравить дьявольский дух Гитлера» [4, с. 337] ещё не значит «построить лучшую Германию» [4, с. 290]. Руфь, «словно ищущая противоядия» [4, с. 303] в своих рисунках, так и не сумела найти его в собственной душе, а потому финал пьесы

в отличие от финала романа трагичен. Если в послевоенном романе Руфи хоть и с большими трудностями, но всё-таки удалось проделать заветный «путь назад, к себе самой» [5, с. 511] и, оставив прошлое в стороне, приняться за устройство будущего, то в пьесе Руфь достигает лишь возмездия, но не возрождения. Такой путь, по мысли Л. Франка, губителен. Германия будущего должна не только стать истинно правовым государством, о котором ведут споры его герои, но и вступить на путь духовного возрождения.

Если в финале романа лишь звучат опасения за будущее Германии [5, с. 526], то в конце пьесы чувствуется разочарование, что духовное возрождение нации так и не наступило: город (в пьесе он не назван, благодаря чему приобретает обобщённый образ всех послевоенных немецких городов) так и остался «в плену гитлеровских идей и его политики» [4, с. 300], «уроки из своего кошмарного прошлого» [4, с. 301] извлекли не все.

Таким образом, если в романе Руфь – действительно «человек другого масштаба», то в пьесе её ореол святости и мученичества, связанный с прямой библейской аллюзией, несколько теряется. Руфь – святая, имя которой стало символом праведного вхождения в еврейский народ, обретения веры язычницей. В романе Руфь смогла обрести ту самую внутреннюю веру в будущее, а в пьесе – нет. Её имя стало лишь напоминанием о том, что оно означает в переводе с иврита – «подруга, приятельница». Действительно, завязкой и в романе, и в пьесе становится сцена объявления Иоганне Брукс – лучшей подруге детства главной героини – о том, что Руфь вернулась в Вюрцбург.

Получается, что пьеса Л. Франка, по своей стилистике и тональности близкая к экспрессионистской «драме возвещения», становится драмой-предупреждением, которая, с одной стороны, напоминает о том, чем грозит забвение прошлого, непризнание вины и безнаказанность, а с другой – утверждает веру в лучшее будущее Германии путём преобразований, а не возмездия.

Симпатии автора в романе однозначно на стороне социалистов, которыми станут бывшие «Ученики Иисуса». Фраза из письма Иоганны: «<...> у меня часто болит слева, где сердце» [5, с. 506], – станет метафорой для названия главного (автобиографического) романа Л. Франка. «Слева, где сердце» (1952) – это не просто подведение жизненных итогов, но и признание в верности своим политическим идеалам.

Даже сегодня, в XXI веке, пьеса Л. Франка «Руфь», созданная на материале романа «Ученики Иисуса», по-прежнему является актуальной. Ещё работая над романом, Л. Франк «... поставил большую гражданскую цель – „заклеймить чудовищ нацизма“» [2, с. 472]. А пьесу «Руфь» он и вовсе считал «своей важнейшей работой» [1, с. 78], словно вкладывая в уста героев собственные слова: «Неужели забудется недавнее прошлое и из него не извлекут никаких уроков? <...> Поэтому надо напоминать людям о том, что мы пережили и до чего мы дожили» [1, с. 78].

Судьба Руфи Фрейденгейм – наглядное тому подтверждение.

Библиографический список

1. Гинзбург, Л. Цена пепла. Немецкие заметки / Л. Гинзбург. – М. : Сов. писатель, 1962. – 403 с.
2. Пронин, В. А. Леонгард Франк / В. А. Пронин // Курс лекций по истории зарубежной литературы XX века ; под ред. М. Е. Елизаровой, Н. П. Михальской. – М., 1965. – С. 465–473.
3. Франк, Л. Мужской квартет / Леонгард Франк ; пер. с нем. под ред. О. Михеевой ; сост. Т. Путинцева // Пьесы. – М. : Искусство, 1972. – С. 157–222.
4. Франк, Л. Руфь / Леонгард Франк ; пер. с нем. под ред. О. Михеевой ; сост. Т. Путинцева // Пьесы. – М. : Искусство, 1972. – С. 287–346.
5. Франк, Л. Ученики Иисуса / Леонгард Франк ; пер. с нем. В. Куреллы ; сост. С. Фридлянд // Избранное : в 2 т. – Т. 1. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. – С. 341–526.